

- Feldman L. 1993: Jew and Gentile in the Ancient World. Attitudes and Interactions from Alexander to Justinian. Princeton.
- Goodblatt D. 2006: The Political and Social History of Jewish Community in the Land of Israel, c. 235–638 // CHJ. IV, 404–430.
- Goodman M. 1994: Mission and Conversion. Proselytizing in the Religious History of the Roman Empire. Oxf.
- Heinemann I. 1929: Ursprung und Wesen des Antisemitismus in Altertum // Festgabe zum zehnjährigen Bestehen der Akademie für die Wissenschaft des Judentums 1919–1929. B., 76–91.
- Heinemann I. 1931: Antisemitismus // RE. Suppl. V., 3–43.
- Isaak B. 2004: The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton–Oxf.
- de Lange N. 1991: The Origins of Anti-Semitism: Ancient Evidence and Modern Interpretations // Anti-Semitism in Times of Crisis / S.L. Gilman, S.T. Katz (eds). N.Y.–L., 21–37.
- McGing B. 2002: Population and Proselytism: How Many Jews Were There in the Ancient World // Jews in the Hellenistic and Roman Cities / Ed. J. R. Bartlett. L.–N. Y., 88–106.
- Mitchell S. 1993: Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor. Vol. II. Oxf.
- Reynolds J., Tannenbaum R. 1987: Jews and God-Fearers at Aphrodisias (Cambridge Philological Society, Suppl. vol. 12). Cambr.
- Schubert K. 1992: Jewish Pictorial Tradition in Early Christian Art // Schreckenberg H., Schubert K. Jewish Historiography and Iconography in Early and Medieval Christianity. Assen, Maastricht, Minneapolis (Compendia Rerum Iudaicarum ad Novum Testamentum, III, 2).
- Smallwood E.M. 1981: The Jews under Roman Rule from Pompey to Diocletian. A Study in Political Relations. Photomechanical Reprint with Corrections (Studies in Judaism in Late Antiquity, 20). Leiden.
- Trebilco P. 1991: Jewish Communities in Asia Minor. Cambr.
- Williams M. 1998: The Jews among the Greeks and Romans. A Diaspora Sourcebook. L.

И.А. Левинская

© 2010 г.

ANKE ILONA BLÖBAUM. «Denn ich bin der König, der die Maat liebt». Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Eine vergleichende Untersuchung der Phraseologie in der offiziellen Königsinschriften vom Beginn der 25. Dynastie bis zum Ende der makedonischen Herrschaft (Aegyptiaca Monasteriensia, Band 4). Aachen: Shaker Verlag GmbH, 2006. XIV+501 S.

Книгу немецкой исследовательницы А.-И. Блёбаум (Институт египтологии и коптологии, Мюнстерский университет, Германия) можно назвать новым и весьма качественным выпуском в своего рода «серии» египтологических работ, начатой больше четырех десятилетий назад Э. Блюменталь¹, а затем продолженной Н.-Кр. Грималем², У Рёсслер-Кёлер³ и некоторыми другими исследователями. Египтологи хорошо знают, что эта «серия» состоит из обширных компендиумов, решающих задачу классификации терминов, эпитетов, стандартных фраз и иных приемов письменной пропаганды, которые встречаются в древнеегипетских текстах, связанных с царской идеологией (в первую очередь в царских надписях, как таковых). Характерным образом уже среди этих более ранних публикаций две учитывают материал египетского Позднего времени: труд Грималья рассматривает официальные тексты от рамессидского времени и до завоевания Египта Александром Великим (332 г. до н.э.),

¹ Blumenthal E. Untersuchungen zur ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. I: Die Phraseologie. B., 1970.

² Grimal N.-Ch. Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie à la conquête d'Alexandre. P., 1986 (реп.: Дейнека Т.А. // ВДИ. 1991. № 3. С. 197–203).

³ Rössler-Köhler U. Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden, 1991 (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten 21); см. некоторые наши замечания: Ладынин И.А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 3. СПб., 2004. С. 157–158.

а работа Рёсслер-Кёлер посвящена Позднему времени полностью (в ней рассматриваются все известные на момент ее публикации частные памятники этого периода, фиксирующие отношение их владельцев к современным им правителям, с особенным вниманием к случаям нелояльности, при которых царские функции и статус могли переноситься с реального правителя на божество или даже на самого владельца такого памятника). Кроме того, к работам этой же проблематики, связанным с Поздним временем, можно прибавить и книгу М.-А. Бонэм, посвященную царским титулатурам III Переходного периода⁴. Подобное «хронологическое распределение» этих работ побуждает говорить об их дефиците – достойном немалого сожаления! – для эпохи Нового царства (помимо книги М. Шаде-Буш о фразеологии исторических текстов XVIII династии⁵ мы можем отнести к этой категории исследований разве что знаменитые труды Ю.Я. Перепелкина по амарнскому времени, также носящие во многом терминологический характер⁶, однако они-то, будучи написаны по-русски, остаются «под спудом» для зарубежной египтологии!). В то же время сама концентрация внимания этих исследователей на Позднем времени не может быть случайна и, безусловно, мотивируется многообразием и сложностью проблем, встающих в связи с ним (и прежде всего связанных с эволюцией как официальной идеологии, так и массового восприятия царской власти в условиях ее очевидного ослабления и частого появления на египетском престоле чужеземцев). Возвращаясь собственно к работе А.-И. Блэбаум, нужно сказать, что она посвящена исследованию проблемы царской легитимности (понятой как комплекс критериев, обосновывающих в «пропаганде» правителей их право на свой статус и способность его приобрести и удержать) в официальной идеологии Древнего Египта с XXV династии (с учетом также и текстов Пианхи, еще не владевшего Египтом постоянно) и до царствований Аргеадов (332–305/4 гг. до н.э.) включительно; основываясь на царских надписях, она органично дополняет исследование У. Рёсслер-Кёлер, где, как мы уже сказали, рассматриваются частные памятники.

При определении понятия царской легитимности автор работы оговаривает, что его традиционное современное значение применительно к ситуации древнеегипетской монархии требует модификаций. Дело не только в констатированной А.-И. Блэбаум (с. 26) невозможности каких-либо сомнений египтян в необходимости института царской власти, в виду его исключительной, в их системе представлений, значимости для поддержания миропорядка⁷, но также и в том, что легитимация власти конкретного правителя не сводится к обоснованию его формальных династических прав (момент, который, по-видимому, столь очевиден для исследователей древнеегипетской идеологии, что автор книги не оговаривает его специально). По словам А.-И. Блэбаум (с. 1), частично вынесенные в заглавие ее работы, слова Псамметиха I из «Стелы удочерения Нейтикерта» (сткк. 3–4: *...ntt ink nsw mr[y] m3't bwt.i dsrt pw i[w]-ms s3 ndty [it] iti iw't Gb dmd psšty m hwnw* – «...ибо я царь, любящий *maat*; обман – это отвращение мое наибольшее; [я] сын [и] мститель отца [моего], схвативший наследие Геба [и] соединивший обе половины (Верхний и Нижний Египет. – *И.Л.*) [еще] будучи (“в качестве”) юношей...»⁸) суммируют три фундаментальных концепта древнеегипетской царской власти: связь царя с поддержанием универсального божественного плана *maat*; его качество сына и наследника богов (прежде всего универсального солнечного бога); и его практическую способность к эффективному поддержанию порядка в стране. В известном смысле выделение этих трех аспектов соотносится с выделением в основополагающей статье Э. Отто трех типов легитимации власти египетского царя⁹: посредством успеха его деятельности (*durch die Wirksamkeit*), особенно получения от богов воздаяния за совершае-

⁴ *Bonhême M.-A.* Le livre des rois de la Troisième période intermédiaire. Le Caire, 1987 (Bibliothèque d'Étude, 99).

⁵ *Schade-Busch M.* Zur Königsideologie Amenophis' III: Analyse der Phraseologie historischer Texte der Voramarnazeit. Hildesheim, 1992 (Hildesheimer ägyptologische Beiträge, 35); в отечественной литературе материалу царских текстов и титулатур XVIII династии посвящены работы Т.А. Баскаковой (Дейнеки), самая значительная из которых – ее диссертационное исследование – остается не опубликованным полностью: *Дейнека Т.А.* Идеологическое обоснование внешней политики Египта в XVI–XIV вв. до н.э. // ВДИ. 1990. № 2. С. 135–154; *она же.* Обоснование внешней политики Египта в царских надписях XVIII династии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

⁶ *Перепелкин Ю.Я.* Переворот Амен-хотпа IV. М. Ч. 1. 1967. Ч. 2. 1984.

⁷ См. теперь в отечественной историографии: *Демидчик А.Е.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 14–27 (глава I – «Младшее Солнце – бог ритуала»).

⁸ *Camino R.A.* The Nitocris Adoption Stela // JEA. 1964. 50. P. 74. Pl. VIII.

⁹ *Otto E.* Legitimation des Herrschers im pharaonischen Ägypten // Saeculum. 1969. 20. S. 385–411; *cp. Barta W.* Legitimation // LÄ. III. 1980. Sp. 960–963.

мый им ритуал¹⁰; посредством его династических прав (durch die Erbe – при том, что в терминологии египетских официальных текстов само понятие «наследие» – Wb. I. 51: *iw't* – обозначает получаемое царем не столько от его прямых предшественников, сколько, опосредованно через всю их длинную череду, еще от правителей-богов¹¹); и посредством вписывания его в различные мифологические коннотации (durch die mythologischen Begründung – в особенности в опоре на его стойкую ассоциацию с богом Хором¹²). Хотя А.-И. Блэбаум учитывает и более дробную классификацию, предложенную Р. Гундлахом (в ней, в частности, разделены такие практические моменты, проявляющиеся еще до восшествия царя на престол, как династические права и назначение наследником; а в «мифологической» легитимации, становящейся для царя актуальной уже на престоле, подразделяются аспекты его избрания богом еще до воцарения, роли сына божества и уподобления солнечному богу)¹³, в целом она ориентируется скорее на классификацию Э. Отто, разделяя собранный ею обширный массив свидетельств сообразно трем большим темам (с. 27–29, рис. 2): собственные деяния царя; его отношение к предшественникам (подчеркивание преемственности по отношению к ним или, напротив, отрицательное к ним отношение); и его отношения к божествам. Другой важный методологический пункт, в котором автор работы следует за Э. Отто (с. 1), – это его мнение, что принципиальное внимание следует уделять не рутинному наследованию власти внутри династий, а ситуациям переворотов и иноземных завоеваний, в которых приемы, используемые для легитимации новых правителей, проявляются особенно ярко¹⁴. Изобилие подобных ситуаций в Позднее время, по мнению А.-И. Блэбаум, и делает его необычайно привлекательным объектом для исследования данной направленности (там же).

Именно распределение собранных свидетельств по трем тематическим группам в значительной мере определяет методологию исследования А.-И. Блэбаум. Его источники – это весь массив официальных текстов рассматриваемого периода (надписей на постройках, стелах, отдельных памятниках и т.п.), которые проиндексированы в приложении 2 (с. 313–363) по формату: [номер династии арабской цифрой]-[инициал царя одной или двумя заглавными буквами; при наличии нескольких царей данного имени – с порядковым номером арабской цифрой]-[номер в индексе, с сохранением, для возможности его пополнения, зазора в несколько единиц между перечисляемыми памятниками] (так, например, упомянутая «Стела удочерения Нейтикерт» получает индекс 26-P1-001). Некоторые из привлеченных автором работы источников заслуживают специального упоминания. Так, А.-И. Блэбаум активно использует материал Элефантинской стелы Амасиса – важнейшего, но, по сути дела, до сих пор не вполне введенного в научный оборот источника по событиям противостояния Амасиса и Априя в 570–567 гг. до н.э., включая вавилонское вторжение в Египет 567 г. до н.э. (известно, что исследовательница готовит первую полноценную публикацию этого памятника, о значении которого нам приходилось писать¹⁵). В работе рассматриваются компоненты титулатуры Дария I – присут-

¹⁰ См.: Демидчик. Безымянная пирамида... С. 46–47 (о поиске египтянами конца Древнего царства и I Переходного периода истоков своих бедствий в ущербности ритуала, совершаемого царями этого времени, и соответственно их сакральной природы).

¹¹ См. об этом древнеегипетском религиозно-идеологическом топосе: Берлев О.Д. Наследство Геба // Подати и повинности на древнем Востоке. СПб., 1999. С. 6–33.

¹² Большаков А.О. Древнеегипетская скульптура и «Хорово имя» // ВДИ. 2000. № 2. С. 74–77.

¹³ Gundlach R. Die Legitimation des ägyptischen Königs – Versuch einer Systematisierung // Selbstverstandis und Realität: Akten des Symposiums zur ägyptischen Königsideologie in Mainz 15.–17.6.1995. Wiesbaden, 1997 (Ägypten und Altes Testament, 36.1). S. 11–20. Акцентирование (по сути, утрирование) уподобления царя солнечному богу, начиная с самых ранних этапов египетской истории, – известная черта концепции Р. Гундлаха (Gundlach R. Der Pharao und sein Staat: Die Grundlagen der ägyptischen Ideologie im 4. und 3. Jahrtausend. Darmstadt, 1997).

¹⁴ Otto. Legitimation... S. 385.

¹⁵ Ладынин И.А., Немировский А.А. Поход Навуходоносора II на Египет 567 г. до н.э. в сведениях египетской и ветхозаветной традиций (Предварительные замечания) // Культурное наследие Египта и христианский Восток (Материалы международных научных конференций). М., 2004. С. 63–76; Ладынин И.А. Сведения Элефантинской стелы царя Амасиса о вавилонском вторжении в Египет в 568/567 гг. до н.э. // Восток (Oriens). 2004. 3. С. 17–27; он же. Дафны в библейской и христианской традиции о финале царствования Априя (кон. 570 – нач. 560-х гг. до н.э.) // ВДИ. 2004. № 3. С. 3–13; он же. Идеологические аспекты междоусобицы Амасиса и Априя в 570–567 гг. до н.э. // Петербургские египтологические чтения – 2005. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 88–108; Ladynin I.A. The Elephantine Stela of Amasis: Some Problems and Prospects of Study // GM. 2006. Hft. 211. S. 31–57; об исследовании данного памятника и его подготовке к публикации А.-И. Блэбаум см. сообщение в Интернете о работе в Мюнстерском университете специальной исследовательской группы «Функция религии в древних обществах Ближнего Востока» (Sonderforschungsbereich 493 «Funktionen von Religion in antiken Gesellschaften des Vorderen Orients»); http://www.uni-muenster.de/CentrumGKM/SFB493/bericht_C2.pdf, p. 146–147.

ствующие в храме в Хибисе его имена Обоих Владычиц (*s3-lmn stp.n-R^c m-hnw ifdw.sn* – «Сын Амона, избранный Ра из четверки их»; с. 239, 393) и Хора Златого (*nb Sdw mry-ntrw-ntr[w]t nbw nw T3-mry* – «Владыка [праздников] Сед, любимый богами [и] богинями всеми Земли возлюбленной»; с. 228, 393), которые до сих пор не учитывались индексами царских имен¹⁶; кроме того, по низкокачественной фотографии в издании А. Фахри¹⁷ А.-И. Блэбаум удалось весьма правдоподобно определить чтение единственной полной пятисоставной египетской титулатуры Александра Великого (*Hrw hk3 hk3w m t3 r dr.f nbty m3y wr phty ity-t3wy-m-^cwy.f [Hrw-m-nbw] k3-nht iw^cw-t3wy hk3-w3d-wr-snt-itn nsw-bity stp.n-R^c mry-lmn* (или *mry-R^c stp.n-lmn*) *s3-R^c trwksindsr...* – «Хор Властитель властителей в земле до пределов ее; Обе Владычицы Лев большой силой, Схватывающий Обе Земли (Египет) обеими руками его; Хор Златой Мощный бык, Наследник Обоих Земель [и] Властитель Великой Зелени (мирового океана) и [всего, что] обходит солнце; царь Верхнего и Нижнего Египта Избранный Ра, излюбленный Амоном (либо Излюбленный Ра, избранный Амоном¹⁸); сын Ра Александр...»). Мы уже имели случай заметить, что вошедший в состав этой титулатуры как часть имени Хора Златого эпитет «Властитель... [всего, что] обходит солнце» (*hk3... snt-itn*)¹⁹ любопытен своим вероятным созвучием (разумеется, в некотором переосмыслении) с эпитетом κόσμοϝ κυκλεύσας, прилагаемым к Александру в одном из начальных фрагментов «Романа...» Псевдо-Каллисфена (Hist. Alex. Magni, rec. α'. I. 3.5)²⁰; тем самым восстановление этой титулатуры Александра весьма значимо для выявления связи между его временем и последующей греко-египетской художественной традицией о нем. В связи с этими царскими именами, вновь учтенными А.-И. Блэбаум, стоит упомянуть, что приложение 3 ее работы (с. 365–428) представляет собой полную сводку титулатур царей рассматриваемого периода, выгодно отличающуюся от справочника Ю. фон Бекерата (см. наше прим. 16) охватом всех случаев их появления (в целостном виде или в отдельных компонентах) на памятниках.

Весь собранный А.-И. Блэбаум материал рассматривается в трех разделах ее работы, соответствующих тематическим группам, на которые, как мы говорили, он разделен, и обозначенных соответственно А, В и С: в каждом разделе свидетельства, относящиеся к каждой из этих групп, получают более подробную классификацию сообразно отдельным мотивам («аргументам») легитимации царя, которые можно обнаружить в текстах (А: легитимация наличием царского сана, как таковым; легитимация способностями к отправлению власти и успешной деятельностью; В: легитимация преемственностью от предшественников – при помощи акцента на наследовании от них власти, принятия сходных царских имен, восстановления их памятников; легитимация отмежеванием от предшественников, включая предполагаемые случаи *damnatio memoriae*, проявляющиеся с определенной вероятностью в узурпации памятников – в особенности памятников царей кушитской XXV династии при саисской XXVI династии и конкретно при Псамметихе II, с. 166–170²¹; С: легитимация рождением от божества; наследованием богам; уподоблением солнечному богу; избранием царя богом и предопределением его к царствованию; вмешательством божества в дела царствования).

Материал по каждому из этих «аргументов» получает более подробное подразделение, вплоть до его систематизации по конкретным стандартным терминам и клише, появляющимся в текстах с разной степенью частотности; именно по этим терминам и оказывается в конечном счете «расписана» вся совокупность собранных в работе свидетельств. Одна из главных задач, поставленных перед собой автором, состоит в том, чтобы охарактеризовать «распределение» выделенных ею «аргументов легитимации», с соответствующими им терминами, по царствованиям, уделяя при этом особое внимание случаям прихода к власти в результате переворотов и завоеваний. Чтобы решить эту задачу, А.-И. Блэбаум сводит материал источников в многочисленные таблицы и, когда тот или иной

¹⁶ См., например: *Beckerath J. von. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. Berlin–München, 1999 (Münchener ägyptologische Studien, 49). S. 220–221.*

¹⁷ *Fakhry A. Bahria Oasis. Cairo, 1950. P. 41–47. Pl. XXVI.*

¹⁸ См. о проблеме точного чтения этого «солнечного имени»: *De Meulenaere H. Le protocole royal de Philippe Arrhidée // Cahier de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille. 1991. 13. P. 53–58.*

¹⁹ Имеется в виду непрестанное (в течение дня – по небу земного мира, ночью – по загробному миру) движение солнца (*Barta W. Der Königsring als Symbol zyklischer Wiederkehr // ZÄS. 1970. 98. S. 5–16*); соответственно данный эпитет удостоверяет власть Александра над всем мирозданием.

²⁰ *Ладынин И.А. «Πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος» (Ps. Call. C. II. 27. 3): Еще раз о египетской царской титулатуре Александра Великого // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 246–248.*

²¹ *Yoyotte J. Le martelage des noms éthiopiens par Psammétique II // RdÉ. 1951. 8. P. 215–239.*

термин особенно частотен (*nb hꜣw* – «владыка воссияний»²², *nb tꜣwy* – «владыка Обеих Земель», *nsu-bity* – «царь Верхнего и Нижнего Египта», *nb irt ht* – «владыка ритуала» (букв. «владыка совершения вещей», с. 99 сл.²³), *ntr nfr* – «благой бог», *mry-N* – «любимый [таким-то богом]», и т.д.), в специальных диаграммах, показывающих пики и спады в его употреблении от царствования к царствованию (сводка примеров употребления этих частотных эпитетов в их полных и сокращенных вариантах составляет приложение 4 работы; с. 429–478).

Основные выводы, которые могут быть сделаны на основе этой систематизации материала, формулируются в конце каждого тематического раздела работы и, в более концентрированном виде, в ее заключении (с. 277–280). По мнению А.-И. Блэбаум, модель рутинной, не порождающей проблем передачи власти и соответствующих приемов легитимации новых правителей представлена для рассматриваемого периода прежде всего наследованиями царей XXVI династии, исключая ее начало и конец. «Рутинная» легитимация власти саисских царей представляется исследовательнице «сдержанной» (*zurückhaltende*; с. 278), акцентирующей прежде всего сам статус царя, а также его деятельность; отношение царя к божеству передается в стандартных терминах филиации и предопределения к власти, без акцента на его уподоблении богу. Специфическая черта этого времени – это имена царей XXVI династии с компонентом *ib* («сердце»; с. 92, 214), неожиданным образом находящие аналоги в титулатурах царей XIII династии (XVIII в. до н.э.; ср. с. 146). Отступление от модели «сдержанной» легитимации в XXVI династии представлено прежде всего Псамметихом I, для которого важными мотивами были проведение преемственности от вытесненного им из Египта кушитского дома (в особенности от Тахарки, сестра которого, фиванская «супруга бога» Шепенопет II удочерила его дочь Нейтикерг; с. 143), а также констатация участия бога в делах его царствования. Особый случай вмешательства бога в возвышение царя на его пути к власти через узурпацию встречается как раз в изучаемой А.-И. Блэбаум Элефантинской стеле: в этом тексте (сткк. 16–17) бог, содействующий Амасису, не назван по имени (это случается в произведениях дидактической литературы²⁴, но в данном случае, возможно, связано со стремлением Амасиса избежать ненужного возвышения какого-либо конкретного культа с его местной привязкой, с. 271, 279).

Особенно часто при помощи узурпации или иного насилия приходили к власти в IV в. до н.э. цари XXIX (возможно, ее основатель Неферит I; низложивший его законного наследника Акориса Псамуф; сам Акорис, вынужденный возвращать себе власть) и XXX (Нектанеб I, низложивший сына Акориса Неферита II, и Нектанеб II, свергнувший Тахоса) династий. Для этого времени А.-И. Блэбаум отмечает значение таких мотивов легитимации, как избранность царя богом (эпитет *stp.n-N* – «избранный [таким-то богом]»), особый акцент на его рождении от божества и его уподобление солнцу. Что касается чужеземных правителей Египта в рассматриваемый период, следует проводить различие между кушитами XXV династии, собственная государственность (и официальная пропаганда) которых основывалась на рецепции египетской идеологической традиции, и «полных чужаков» – Ахеменидов и Аргеадов. По мнению исследовательницы, пропагандистские приемы этих чужих династий воспроизводили образцы Нового царства (в связи с этим она указывает на целенаправленное восстановление храмовых построек Тутмоса III и Аменхотепа III в Фивах при Аргеадах, с. 111, 151–152, 280). Что касается Ахеменидов, то среди них наиболее разработанная пропаганда «на египетскую аудиторию» была у Дария I, и в ней особое место занимала идея предопределения божеством его власти над Египтом (с. 228, 239, 245); кроме того, и для него, и для Камбиса подчеркивается их иерархическая связь с солнечным богом (с. 213, 216, их имена как царей Верхнего и Нижнего Египта *Mstyw-Rꜥ* – «отпрыск Ра» и *Stwt-Rꜥ* – «Отблеск Ра»). Заимствования новоегипетских идеологических концептов проявляются при персидских царях прежде всего в текстах (с. 280).

Разумеется, не все интерпретации, которые А.-И. Блэбаум предлагает для рассмотренных ею свидетельств, представляются бесспорными. Так, трудно разделить ее мнение, что упоминание погребения Априя Амасисом в Элефантинской стеле призвано постулировать преемственность, если не

²² А.-И. Блэбаум переводит этот эпитет как «владыка венцов» (*Heir der Kronen*; с. 48 с отсылкой к Wb. III. 242. 1–2), констатируя при этом, что параллельно с этим конкретным значением он имеет еще и «абстрактное», обозначая публичные появления царя (они, собственно, и именуются, в уподобление появлению божества на первохолме среди первобытных вод, термином *hꜣy-nsu* – «царское воссияние»: *Redford D.B. History and Chronology of the Eighteenth Dynasty in Egypt. Toronto, 1967. P. 3–27; Barta W. Thronbesteigung und Kronungsfeier als unterschiedliche Zeugnisse königlicher Herrschaftsübernahme // SAK. 1980. 8. S. 33–53).*

²³ Об этом важном эпитете, акцентирующим способность царя к полноценному совершению ритуала, см. *Routledge C.D. Ancient Egyptian Ritual Practice: ir-ht and nt-ꜣ. Toronto, 2001. P. 162–221; Демидчик. Безымянная пирамида... С. 23. Прим. 2, 47–48.*

²⁴ *Barta W. Der anonyme Gott der Lebenslehren // ZÄS. 1976. 103. S. 79–88.*

филиацию, между ними (с. 135). Аналогичное сообщение Геродота (Herod. II. 169) не обнаруживает и следа такого мотива: согласно египетскому же тексту, Амасис, погребая тело своего погибшего врага, совершает «то, что делается для любого благодетельного царя» (стк. 18: *iw:f[hr] ir n:f ir nb n nsw nb mnḥ* – чтение А.-И. Блѣбаум, там же) – при том, что Априй под данное определение в этом тексте явно не подходит²⁵, – и тем самым попросту проявляет свое великодушие по отношению к павшему врагу. А.-И. Блѣбаум обращает внимание на стелу погребения Аписа года 21 Псамметиха I²⁶, где, при обозначении года рождения священного животного, его предшественник Тахарка назван *nsw*, а его имя помещено в картуш, но в датировочной формуле (*hr hm n...* – «при Величестве [царя такого-то]») опущено слово *hm* (с. 143, 164). Исследовательница, будучи одной из немногих египтологов, подробно знакомых с Элефантинской стелой, могла бы припомнить в ней почти в точности такое же словоупотребление применительно к Априю: в этом тексте он обозначен однажды тронным именем *H^{cc}-ib-R^c*, но ни разу – терминами *hm*²⁷ и даже собственн *nsw*. Согласно ее мнению, стела погребения Аписа предполагает в данном случае стремление Псамметиха I отмежеваться от своего предшественника: было бы, однако, странно, чтобы эта тенденция совмещалась с такими однозначными указаниями на легитимность Тахарки, как именование его термином *nsw* и помещение его имени в картуш, как известно, обозначающий божественную «солнечную природу» царя²⁸.

Мы уже высказывали предположение, что в Элефантинской стеле предполагается утрата Априем – исходно легитимным царем с «солнечной природой» – качеств, связанных с отправлением власти сакрального правителя, что, собственно, и оправдывает такой из ряда вон выходящий шаг, как его отстранение от власти (см. наше прим. 25). Вполне вероятно, что аналогичным образом могли представлять себе дело и составители стелы Псамметиха I применительно к Тахарке на момент рождения пресловутого Аписа, который был для них уже в прошлом. Не имея возможности датировать его иначе, как годом царствования Тахарки²⁹, они могли считать, что он к этому времени уже утратил качества царя ритуала, перестав тем самым быть и вместилищем божественности, именуемым термином *hm*³⁰. Мнению А.-И. Блѣбаум, что строительство в Фивах времени Аргеадов (Александра

²⁵ Ладынин. Идеологические аспекты междоусобицы Амасиса и Априя в 570–567 гг. до н.э. С. 94–95, 100–101.

²⁶ Malinine M., Posener G., Vercoutter J. Catalogue des stèles du Sérapéum de Memphis. P., 1968. P. 146 (nr. 192). Pl. 52; Perdu O. Recueil des inscriptions royales saïtes. I: Psammétique I. P., 2002 (Collège de France. Chaire de civilisation pharaonique, Études d'égyptologie, 1). Nr. 4. P. 30–35. Pl. 4.

²⁷ Об обозначении этим термином царя как проявления божества в земном мире см. Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972. С. 38 (в контексте материала с. 33–41).

²⁸ Демидчик. Безымянная пирамида... С. 20. Прим. 2 (со ссылкой на мнение О.Д. Берлева в диссертации Т. Шэхаб эд-Дин).

²⁹ Ср. с такими же «вынужденными» датировками годами правления последних Ахеменидов в текстах времени второго персидского владычества: Ладынин И.А. Египетская царская титулатура Александра Великого // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1999. 2. С. 90.

³⁰ В таком случае мы можем заметить, что, по-видимому, в представлениях египтян особая «солнечная природа» царя Верхнего и Нижнего Египта была его телесным качеством, которое было свойственно ему от рождения (ср. со знаменитой золотой плотью трех детей Редждедет в сказках папируса Весткар: pWestc. X. 11, 18–19, 25–26; Берлев О.Д. «Золотое имя» египетского царя // Ж.-Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1979. С. 53–54), не могло утратиться или измениться никаким образом; но божественное начало, проявляющееся в нем как в *hm*, было независимо от особого качества его плоти, связано с отправлением им власти сакрального правителя (т.е. проявлялось только после его реального вступления на престол) и могло быть утрачено им по воле божества, если царь переставал соответствовать подобающим такому правителю квалификациям. Проводя четкое различие между этими аспектами царской сакральности, мы, может быть, рискуем навлечь на себя упрек в чрезмерной рациональности, которая, как считается, не всегда оправдывает себя при выкладках на материале архаики; однако различие это позволяет, в частности, объяснить необходимость введения специального термина *inpw* («анубис», «анубида») для обозначения царя, уже рожденного, но еще не взойшедшего на престол (Vandersleyen Cl. *Inepou*: un terme designant le roi avant qu'il ne soit roi // The Intellectual Heritage of Ancient Egypt: Studies Presented to L. Kakošy / Ed. U. Luft. Budapest, 1992 (Studia Aegyptiaca, 14). P. 563–566; Berlev O., Hodjash S. Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorrussia, Caucasus, Middle Asia and Baltic States. Fribourg, 1998 (Orbis biblicus et orientalis, Series Archaeologica, 17). P. 10): получится, что это существо с уже особой плотью, но еще не ставшее *hm* – божественного начала, связанного с осуществлением сакральной власти (мы сознаем противоположность такого предпо-

Великого и Филиппа Арридея) представляет собой способ связать их пропаганду с временем Нового царства, может быть предложена альтернатива: их строительство и восстановления в Карнаке (помещения юбилейного храма Тутмоса III Ахмену и пилоны) и в Луксоре (прежде всего святилище барки) привязаны к процессионным путям праздника Опет³¹ и с этой точки зрения являются логическим продолжением строительной программы, нацеленной на их реконструкцию и начатой царями гораздо менее давнего времени – XXX династии³².

Стоило бы уделить больше внимания предпосылкам к некоторым пропагандистским «акцентам» – особому упору на мотиве творения *maat* в титулатуре Тахоса (с. 97, Хорово имя *Hꜣy-m-ṯṣṯt sšm-tšwy* – «Воссиявший в *maat*, Предводящий Обе Земли»; имя Обоих Владычиц *Mry-mṣṣt s3ḥ-prw-nṯrw* – «Любимый *maat*, Сделавший полезными дома богов»; имя царя Верхнего и Нижнего Египта *Iry-mṣṣt-n-Rꜥ* – «Творящий *maat* для Ра») и, может быть, пикам в употреблении эпитетов *s3-Rꜥ* и *s3-Rꜥ-n-ḥt.f*, имен Обоих Владычиц и Хора Златого и формулы *di-nḥ*, которые констатируются в работе для времени Псамметиха II (см. диаграммы на с. 178, 179, 201, 216, 220). Вполне возможно, что эти пики проявились чисто случайно, но, если дело обстоит иначе, это может выявить важную идеологическую тенденцию данного царствования.

Возможность полемики с А.-И. Блѣбаум по ряду пунктов никоим образом не ставит под вопрос главные результаты ее работы – как выявленные в ней закономерности смены пропагандистских приоритетов в зависимости от исторических обстоятельств отдельных царствований и династий, так и сам получивший фундаментальное обоснование тезис о правомерности применения к египетской идеологии понятия «пропаганда», понятого как работа по созданию образов конкретных правителей, нюансированных при помощи определенной расстановки акцентов (в этом смысле особенно значительно доказательное выявление такой работы для царствований, в которые ее труднее всего было бы ожидать, например, при Дарии I). Вместе с тем самым важным результатом данной работы нужно считать саму осуществленную в ней классификацию, свидетельств источников, успех которой зависел не только от ее хорошо продуманной методологии, но и, если можно так выразиться, от концептуальной целостности рассмотренного в ней периода развития древнеегипетской идеологии. Поясним, что мы имеем здесь в виду. На рубеже II и I тыс. до н.э. падение Нового царства, по сути дела, прервало традицию централизованной государственности Египта, идущую с начала III тыс. до н.э. Вслед за этим уже при XXI династии царская власть и ее престиж резко ослабевают³³; затем, с X в. до н.э., вступление на престол ливийского царского дома, опирающегося на соплеменную военную элиту, резко меняет самые устои общества и государства Египта. На наш взгляд, данный круг проблем остается неоцененным египтологами в самой прискорбной степени³⁴, хотя о масштабах неизбежных на этом этапе перемен можно судить по одному только «социологическому» факту: элита, укомплектованная представителями общества с жизнеспособными родоплеменными структурами, встала во главе страны, где подобные структуры и даже сам институт общины исчезли примерно за два тысячелетия

ложения трактовке О.Д. Берлева, полагавшего, что божественность и объем власти царя становятся полными с момента его появления на свет: *Berlev, Hodjash. Catalogue...*; *Берлев О.Д., Ходжаши С.И. Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 2004. С. 43).*

³¹ *Bell L. The New Kingdom 'Divine' Temple: The Example of Luxor // Temples of Ancient Egypt / Ed. B.E. Shafer. L., 1997. P. 158, 293. Not. 101.*

³² *Ладынин И.А. Строительная программа Аргеадов в Египте в контексте храмового строительства XXIX–XXX династий // Петербургские египтологические чтения – 2006. Материалы научной конференции. СПб., 2007 (Труды Государственного Эрмитажа, XXXV). С. 86–100.*

³³ А.О. Большаков неоднократно обращал внимание, что активное участие египетских царей в войнах, начиная с гиксосской эпохи, содействовало снижению степени их сакральности в восприятии подданных и порождало принципиально новую по сравнению с предшествующим временем (в особенности со стандартом восприятия царя, заданным в III тыс. до н.э.) идеологическую ситуацию (*Большаков А.О., Суцеский А.Г. Герой и общество в древнем Египте // ВДИ. 1991. № 3. С. 14–16; в более четкой формулировке данная мысль высказывалась исследователем в его устных выступлениях*). По сути дела, исторические условия начала I тыс. до н.э. содействовали углублению именно этой тенденции.

³⁴ См. сравнительно немногие попытки обозначить и оценить эти проблемы: *Leahy A. The Libyan Period in Egypt: An Essay in Interpretation // Libyan Studies. 1985. 16. P. 51–65; Libya and Egypt, c 1300 – 750 BC. / Ed. A. Leahy. L., 1990; Jansen-Winkel K. Die Fremdherrschaften in Ägypten im 1. Jahrtausend v. Chr. // Or. 2000. 69. P. 1–20.*

до этого!³⁵ Репликой этих перемен в сфере легитимации царской власти стало, по-видимому, то, что формальная принадлежность к царскому роду (по хронологически отдаленной аналогии с княжеским родом на Руси и «золотым родом» в кочевых обществах евразийской степи) превратилась в практике ливийской элиты (и, автоматически, управляемого ею общества) в единственное необходимое основание для наделения принадлежащего к этому роду самостоятельного правителя царским титулом.

Примерно за два века – к середине VIII в. до н.э. – в Египте складывается иерархическая структура власти, во главе которой стоят *четыре* дома правителей царского статуса, признающих равноправную легитимность друг друга (разве что за исконной линией породившей их XXII династии, правящей в Танисе, признается некое историческое старшинство). По существу, именно эта политическая структура и адекватный ей менталитет отразились в таком собрании реминисценций ливийского времени, как демотический эпос³⁶. В связи с этим существенно, что один из самых ранних источников, учтенных А.-И. Блэбаум, – знаменитая «Стела Пианхи» (FHN. I. 62–117)³⁷ – наносит мощный удар по этому принципу легитимации, воспроизводя те ее приемы, которые действовали в доливийское время (до конца Нового царства). Во время своего рейда в Египет ок. 729–728 гг. до н.э. Пианхи делает всех правителей ливийского дома своими вассалами, не оспаривая их царского статуса (тем более – не посягая на него), но указывая, что среди всех его обладателей в Египте рубежа 730–720-х годов до н.э. лишь он один наделен богоизбранностью и личной сакральностью, что позволяет ему одолевая врагов, повергая их в иррациональный ужас³⁸. Стоит заметить, что после рейда Пианхи в течение буквально года–двух лет повышает свой статус до царского правитель Саиса Тэфнахт – сильнейший среди местных правителей Египта этого времени, который, судя по всему, взял на вооружение актуализированный Пианхи принцип личной (на основе дел правителя и проявляющихся в их успехе его сакральности и избранности божеством), а не формально-династийной легитимации³⁹. Нам приходилось обращать внимание, что, похоже, эти два принципа позднее сталкивались при легитимации захвата власти Амасисом (даже не в упоминавшейся нами Элефантинской стеле, а в зафиксированных античной традицией известных анекдотах о нем и легенде о дочери Априя Нитетис⁴⁰). Весьма вероятно, что подобное же столкновение принципов легитимации могло иметь место и при возвышении саисских царей XXVI династии (при обосновании их приоритета по сравнению не только с кушитами XXV династии, но и с последышами ливийской XXII династии в Танисе). Похоже, что идеологическая ситуация саисского времени определялась тем, что, на фоне довольно прочного укоренения в сознании масс и основательно ливизированной элиты принципа династической легитимации, определяющую роль в официальных текстах играли противоположные ему топосы личной легитимации (видимо, по традиции, идущей от возвышения правителей Саиса Тэфнахта и Псамметиха I и в принципе согласной с ориентацией этого времени на «возрождение» египетской «классики» III–II тыс. до н.э.). Закономерным образом, эти же топосы должны были выходить на первый план и в легитимации узурпаций и установления чужеземной власти путем завоевания, что, как справедливо говорила А.-И. Блэбаум, в значительной мере и составляет содержание египетской истории VI–IV вв. до н.э.

³⁵ Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития. 3: Второй путь развития обществ ранней древности // История древнего мира. Т. 1: Ранняя древность. М., 1989. С. 47–48 (в опоре на наблюдения над автобиографией Мечена конца III династии как *позднейшим* текстом, фиксирующим наличие в Египте, по-видимому, уже гибнущей сельской общины: Перепелкин Ю.Я. Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. VI. М.–Л., 1949. С. 302; Савельева Т.Н. Надписи из гробницы Мечена (перевод и комментарий) // Древний Египет и древняя Африка. М., 1967. С. 117 (надпись А изд. К. Зетз, стк. 13), 126. Прим. 32).

³⁶ См. в отечественной литературе: Большаков, Суцеский. Герой и общество... С. 18–25.

³⁷ Grimal N.-Ch. La stèle triomphale de Pi(ankhy) au Musée du Caire JE 48862 et 47086–47089. Le Caire, 1981 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale, 105); Стела Пианхи / Пер. И.С. Кацнельсона // История древнего Востока: Тексты и документы. М., 2002. С. 131–141.

³⁸ Демидчик А.Е. Древнеегипетский фразеологизм *jtj... mj jgr n tw* на стеле кушитского царя Пианхи // Чуждое-Чужое-Наше: Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск, 2000. С. 20–31; Ладынин. Идеологические аспекты междоусобицы Амасиса и Априя в 570–567 гг. до н.э. С. 99–100.

³⁹ См. об этой ситуации: Ладынин И.А., Немировский А.А. К вопросу о конфедеративной государственности и ее концептуальном оформлении в древнем Египте // Третья международная конференция «Иерархия и власть в истории цивилизаций». II: Статьи и тексты докладов. М., 2007. С. 78–85, 93–96.

⁴⁰ Ладынин И.А. Легенда о египетской царевне Нитетис (Herod. III. 1–2; Athen. XIII. 560d–f) в политико-историческом контексте VI в. до н.э. // Античный мир и археология. 12. Саратов, 2006. С. 33–42; он же. Античная традиция о царе Амасисе и ее египетские литературные прототипы // Античный мир и археология. 13. Саратов, 2008 (в печати).

Таким образом, когда исследовательница вводит в качестве базового для своей работы, по сути дела, именно понятие *личной* легитимации власти царя, она, применительно к рассматриваемому ею периоду, говорит не просто об универсалии древнеегипетского мировоззрения, но и о концепции, имеющей в данный период вполне внятную альтернативу, но, безусловно, преобладающую в анализируемом материале официальных текстов благодаря вполне осознанному и целенаправленному предпочтению их «заказчиков» и составителей. Именно в этой установке египетской царской идеологии, общей для времени от XXV династии и до Аргеадов, нам и видится то, что мы назвали концептуальной целостностью данного периода и что, собственно, и выразилось в принципиальном единстве на его протяжении топонимов и терминов официальных текстов, приведенных к последовательной и непротиворечивой классификации А.-И. Блэбаум. При этом исследователь египетского эллинизма обратит особое внимание на то, что органической частью данного этапа идеологического развития Египта предстает время Аргеадов: тем самым выявляется чрезвычайно важный аспект континуитета между эпохами до македонского завоевания Египта и после него в религиозно-идеологической сфере, который может и должен быть принят во внимание и при изучении источников более позднего – уже птолемеевского – времени.

И.А. Ладынин

© 2010 г.

E.E. KUZMINA. The Origin of the Indo-Iranians. Ed. by J.P. Mallory. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. by Al. Lubotsky. Vol. 3. Leiden–Boston: Brill, 2007. XVIII + 762 p.

Е.Е. Кузьмина, известный российский археолог, поставила перед собой цель проанализировать археологический материал как источник для реконструкции культуры и путей расселения индоиранцев и их потомков. Проблема прародин индоариев и иранцев и путей их миграций неоднократно исследовалась специалистами разного профиля, но прежде всего лингвистами и историками. Привлечение археологических источников оставалось спорным в силу их языковой немоты. Автор, однако, подошел к их оценке с единственно возможных позиций, сравнив характер различных археологических культур с теми сведениями об иранских и индоарийских народах, которые можно почерпнуть из письменных текстов и анализа лексики: тип хозяйства, особенности жизнеобеспечения, обусловленные характером окружающей среды, животный и растительный мир и т.п. Необходимость именно такого подхода была обоснована еще Э.А. Грантовским¹, но столь полный анализ памятников андроновской культурной общности во всем ее ареале под определенным углом зрения и на чрезвычайно широком фоне осуществлен Е.Е. Кузьминой впервые, и в этом огромное значение ее труда. Западные специалисты (да и русскоязычные читатели, поскольку английское издание содержит ряд изменений и дополнений по сравнению с российскими публикациями Е.Е. Кузьминой) должны быть благодарны А.М. Лубоцкому, взявшему на себя ответственность за публикацию в редактируемой им серии «Индоевропейские этимологические словари» монографии, строго говоря, не имеющей отношения к словарям, но оттого не менее ценной для индоевропеистики.

В работе изучены коллекции, хранящиеся в разных музеях, архивные документы, в том числе материалы обширных полевых исследований самой Е.Е. Кузьминой. Все археологические источники тщательно систематизированы по единой схеме, что позволило создать полную и непротиворечивую картину андроновской общности на всем ее протяжении, выделить основные проблемы ее рассмотрения и проследить особенности ее развития, хронологию и периодизацию, культурные связи. В основу вычленения отдельных вариантов и хронологических периодов положена форма сосудов и принцип построения декора. По результатам корреляции признаков погребального обряда и керамики памятники с устойчивым их сочетанием объединены в типы, каждый тип картографирован, установлены их основные ареалы и территории со смешанным составом памятников, определена относительная, а там, где это возможно, и абсолютная хронология, отмечены связи с соседними регионами. Одним из важных выводов стало заключение, что алакульский и федоровский типы представляют

¹ Грантовский 1981.